

УДК 811.161.1'37/42
DOI: 10.17223/19986645/52/4

С.С. Земичева

ОБОЗНАЧЕНИЯ НЕГОЛОСОВЫХ ЗВУКОВ ЧЕЛОВЕКА И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ТЕКСТАХ НОСИТЕЛЯ НАРОДНО-РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Статья посвящена анализу обозначений звуков человека в речи носителя сибирского старожильческого говора В.П. Вершининой. Специфика исследуемого семантического поля в идиолекте проявляется, во-первых, в средствах номинации: широко используются звукоподражания, зафиксированы образные единицы и невербальные средства обозначения. Отмечается, что многие звукоподражательные единицы, а также отдельные сравнительные обороты, употребляемые диалектносителем, отсутствуют в литературном языке. Во-вторых, своеобразно функционирование единиц данного поля. Анализ их использования диалектносителем позволяет сделать выводы о роли звука в индивидуальной картине мира.

Ключевые слова: диалектная языковая личность, сибирские старожильческие говоры, звукообозначения, диалектная звуковая картина мира, народно-речевая культура.

Введение

Обозначения звука в русском языке исследовались в различных аспектах: семантическом [1; 2. С. 401–424; 3], когнитивном [4, 5], семиотическом [6, 7]. В последнее время всё более востребован идиостилевой аспект. Описано использование обозначений звука в прозе Ф.М. Достоевского [8], в поэтических текстах Ф.И. Тютчева [9], Б.Л. Пастернака [10], С.А. Есенина и В. В. Маяковского [1]. В этих работах было показано, что номинации звучания в прямом и переносном значении играют важную роль в конструировании художественного текста, являясь одним из средств репрезентации авторской картины мира.

Функционирование номинаций звука за пределами литературного языка и художественного текста изучено слабее. В частности, анализировались номинации звука (преимущественно глаголы говорения) в городской речи. Сделан вывод, что именно звуковая, а не зрительная модальность является ведущей у носителей просторечия, что обусловлено, предположительно, их слабым знакомством с книжной культурой, преобладанием устной формы коммуникации [11].

Номинации звука на материале диалектной речи рассматривались в небольших статьях в аспекте картографирования [12], исследования звукоизобразительного потенциала [13]. В результате сопоставления звукообо-

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

значений в литературном языке и диалектной речи было показано, что глаголы звука в диалекте довольно часто имеют более широкую семантику [14]². Семиотический аспект исследования звука, его роли в славянской обрядовой культуре представлен в сборнике «Мир звучащий и молчаний: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян» [7].

Цель статьи – описать использование единиц с семантикой «звуки человека» носителем народно-речевой культуры. Заявленная тема является частью исследования лексики чувственного восприятия в речи носителя сибирского старожильческого говора. Источником материала стал «Полный словарь диалектной языковой личности» [15], фиксирующий индивидуальный лексикон сибирской крестьянки В.П. Вершининой (1909–2004), русской, малограмотной, коренной жительницы с. Вершинино Томского района Томской области. Привлекались для анализа и расшифровки спонтанной речи информанта, записанной томскими диалектологами в полевых условиях. Специфика избранного подхода состоит в том, что исследуется функционирование как диалектных, так и общерусских звукообозначений в индивидуальной речи носителя традиционной культуры.

Вслед за Н.А. Мишанкиной [5] звуки человека можно разделить на голосовые (*смеяться, стонать, петь, говорить*) и неголосовые (*стучать, топать, кашлять*). Материалом для данной статьи стали обозначения звуков второго типа. Отбор языкового материала базировался на семантических критериях: рассматривались единицы, в исходном значении которых сема ‘звук человека’ является ядерной. В исследуемом лексиконе зафиксировано 99 обозначений неголосовых звуков человека (за единицу подсчёта принят лексико-семантический вариант). Для номинации таких звуков носитель диалекта чаще всего использует глаголы и звукоподражания, редко – имена существительные, прилагательные, наречия. Зафиксированы также сравнения (*как гармонь – ‘о хриплом, прерывистом звуке при дыхании’* [15. Т. 1. С. 117]), метафоры (*забарабанить – ‘начать часто, с силой стучаться’* [Там же. С. 291]).

По **характеру звука** явно преобладают звуки громкие. Указание на громкость звука, как правило, является компонентом значения слова (*топать – ‘ходить, громко стуча ногами’* [Там же. Т. 4. С. 191]). Используются также специальные лексические и фразеологические средства номинации громкости звука (*ши’бко, изо всей силы / со всей силы*).

Неголосовые звуки человека были разделены на 3 группы: звуки-сигналы; звуки, сопровождающие различные действия; физиологические звуки. Отметим, что в первых двух случаях человек выступает каузатором звука, т.е. звук рождается из его взаимодействия с предметами, в третьей группе тело человека является собственно источником звуков.

Проанализировано более 500 контекстов. Чаще всего используются диалектносителем обозначения звуков-сигналов.

² За пределами обзора осталось больше количества статей, в которых анализируются диалектные обозначения речи.

Номинации звуков-сигналов

В эту группу вошли 22 единицы. Внутри неё можно выделить ряд глаголов с общим значением ‘ударять (в дверь, окно и т.п.), стуком выражая просьбу впустить куда-либо; стучаться’ [15. Т. 4. С. 143]. Это такие частотные в речи обозначения, как *стукаться* (74 употребления), *стукать* (55) а также их диалектные синонимы, используемые несколько реже: *зы'кать/зы'чить* (19), *зы'каться/зы'читься* (19). Высокая частотность обусловлена экстралингвистически: распространённостью в сельской жизни ситуации, когда кто-то стучит в дверь, оповещая о своём приходе: *Стукат, стукат ко мне в ворота³*; Утром ра-ано – ну, *де-то* начало *девятого* – она там *стукатся*; *Как кто-то стукнул?* Помаячило [*«показалось»*]; *Он во дверь зы'кал-зы'кал, зы'кал-зы'кал*; У меня дверь отходит, а её *зы-ык!* *зык*, кто идёт. Я сама-то не *зы'чу*, я опушишь это, а ремешок-то он там... не па'дат, зашишо'лка-то, она лёгка. Тихий стук в дверь обозначается глаголом *царапаться*: *Слушаю – хто-то цара'патся, Шарик залаял*. А я только закрылась, зашла. Громкий, интенсивный стук – глаголом *забарабанить*: *A это... у меня как забарабанит [сосед в ворота!]* Ядерные глаголы *стукать, стучать* образуют большое число дериватов со значениями однократности действия (*стукнуть*), результативности (*до-стукаться*), начала действия (*застукать*), периодичности (*постукивать*): *Я-то лежу, чё-то кто-то стукнул ворота'mи*; *Я зы'калась, зы'калась, в таё дверь и в эту, прямо ничё не могу достукаться*; *Восьмой час, я пошла ворота' закрыла, и дрова накладываю – кто-то застукал там*; *А он через горозьбу', там ли ибошёл. И в окошко посту'кыват*.

Диалектная специфика проявляется и в использовании для обозначения звука невербальных средств, зафиксировано два примера. В одном случае жест дополняет вербальное обозначение: *Я стою за ворота'mи, разговариваю с кем-то. А он [больной сын] там зы'кат об стену [стучит, изображая, костяшками пальцев, о буфет]*. Во втором примере невербальная единица употребляется в качестве самостоятельного номинативного средства: *Она [больная сестра В.П.] не разгова'риват – «A-a-a!» – пальцем опе'ть при'mется об до'ску [стучит, изображая] – доской загорожено, она не ходит...*

Номинации стука могут сочетаться обозначениями мышления, эмоций и оценки. Информант – одиноко проживающая пожилая женщина, поэтому стук в дверь в тёмное время суток вызывает у неё страх: *Давай во дверь*

³ При цитировании фрагментов речи принятая следующая система обозначений: фрагменты связного дискурса отделены точкой с запятой. В квадратных скобках приведены пояснения или вопросы собирателей. Многоточие в угловых скобках указывает на пропуск части текста. Полужирным шрифтом в контекстах маркировалось эмфатическое ударение.

зы'каться [незнакомый мужчина]. Давай во дверь зыкался-зыкался... ой, я до сме'рти боюсь!

Сочетаемость с обозначениями мышления обусловлена сигнальной функцией звуков, благодаря которой слуховое восприятие становится основой для логического вывода: *Слушаю, стукается. Думаю: осподи, кто-то приехал?* Повседневные, привычные звуки, окружающие говорящего, могут становиться сигналами, понятными только узкому кругу людей: *Стукнули, двери там [у соседки] стукнули. Я думаю: Гу'мя дома.*

Свообразной чертой использования звукообозначений в идиолекте можно назвать случаи **ошибок** в определении источника звука. Подобные примеры обычно имеют место, когда источник звука недоступен для зрения. В нескольких случаях звуки животного ошибочно принимаются за звуки человека: ...то *Васька [ком] кoda'* – де-нить тут *стукнет*, либо *сидет на стул да зу'dится – как вроде посту'кат* кто. *Я сплю, пробужусь... Ой! – думаю, – кто-то стукается.* Потом спо'mню, что он это, *Васька*. Возможна и обратная ситуация: звук, подаваемый человеком в качестве сигнала, не распознаётся и воспринимается как имеющий природный источник: *А я слышу чё-то стукнуло. Раз стукнуло, второй раз... Я думаю: ветерок, наверно. <...> А гляжу – Толя приходит. «Пришло круго'm обходить, от там обошёл». Я говорю: А чё, ты стукал?*

Выражение оценки в контекстах с глаголами звука связано с тем, что стук в дверь является частью ситуации посещения чужого дома. Приведём фрагмент текста, в котором выражена негативная оценка такого поведения, обусловленная нарушением этических норм. При этом несколько раз используются звуковые глаголы: *А это... у меня как забарабанит! <...> Ну, я не посмотрела, сколько времya. Ой, как со всей силы залезла в садик в окно!.. <...> Ну и, потом это... зы'чится. Я думаю: о'споди, чё-то изде'ласось. Тёмно! <...> Она зы'чит. Я подошла к окошку-то, она: «Открой мне, выдь! Выдь!» <...> я ей говорю: «У меня ничё нету, ни вина, ничё нету, у меня ничё нету». – «Мне ничё не надо. Мне ничё не надо. Только выдь. Мне светы надо. У тебя светы больши', эти до'лги» – каки', то ли на е'ти, ли чё ли? Я говорю: каки' светы, они все итцвели', никого нету у меня! Ничё нету. Я говорю: как не стыдно-то! – взяла да сказала. Я говорю: как не стыдно-то будить ходить старых людей, беспокоить». Ну и ничё, она повернулась и ушла.* В приведённом примере отрицательная оценка поведения односельчанки вызвана несколькими факторами: она приходит с просьбой в неурочное время (поздно вечером), при этом не являясь родственницей или близкой знакомой говорящего, беспокоит по неуважительной причине (просит цветы). Оценка может выражаться и косвенно, с помощью иронии: [цитирует односельчанку] *«Я к тебе стукалась [в 7 часов утра], а у тебя закрыто было». Я думаю: «Здря ты не пришла в шесть часов либо в пять».*

Номинации шумовых звуков человека

Номинации различных звуков и шумов, сопровождающих конкретные физические действия, в речи диалектоносителя довольно разнообразны (27 единиц). Среди подобных звукообозначений можно выделить несколько семантических групп.

Часто обозначаются **звуки, издаваемые при поглощении пищи и напитков**. При этом могут использоваться как глаголы литературного языка с широкой звуковой семантикой (*гриметь*), так и диалектные или диалектно-просторечные единицы, обозначающие именно звук, издаваемый во время еды (*хромустеть*, *хрумкать*, *хрумтом'к* и др.): *Я пять огурцов возьму, разрежу, со'лью натру, малосольны – только эти... зубы гремят, ешь; А Гоша гыт: «А мне тоже не раскусить [орех]». А е'том как начал хромустеть, Женечка-то. Ну он переку'sыват [орех] так, хромусти'm; [Ваши ранетки?] Вася, сосед, кастрюлю притёр мне. Физа – знаешь сколько, она штук пять съела сразу, только хрумтом'к стоит.* Процесс быстрого поглощения пищи обозначается также фразеологическим оборотом, включающим глагол звука: *А они эти пироги-то горя'чи... О, только за ушами трешишьт у всех!*

Особая звукоподражательная единица, отсутствующая в литературном языке, используется для номинации процесса поглощения жидкости: *Только ей надо... я опе'ть ей стопку. Ну в о'бшем, она четыре ли пять ли стопок – «бо-бо-бо!» – бутылку она выпила у меня. Многочисленность номинаций звуков данной группы служит, на наш взгляд, свидетельством важности соответствующего процесса.*

Регулярно обозначаются звуки, сопровождающие **физическую работу**, например: *Взял топор, эти колуны здорову'чи! Он взял, баx-баx, баx-баx...; Петру'шенька этот пробо'й вбивал. Долго так стука!*

Упоминаются также звуки **ударов**: *Кто-то у нас был, дверь открыл, хлопнул и ушёл.* В нескольких примерах обозначены звуки **ходьбы**: *Стукаются, я подошла к окошку, пошла туды', они топ-топ-топ!; Хожу как овечка топаю ногами.* Отметим, что использование сравнения *как овечка* для характеристики громкого звука нетипично и является диалектной особенностью (в литературном языке, по данным Национального корпуса русского языка, оно сочетается только с наречием *тихо*⁴, что связано с пред-

⁴ Она казалась волшебным конем из какой-то легендарной сказки благодаря засеребрившему ее лунному сиянию. Я не видела более благородного, более красивого животного. – Я сниму седло и посажу вас на лошадь, Люда... Будьте покойны, быстрый, как вихрь, он умеет быть **тихим, как овечка!** Вы будете сидеть на нем, как в кресле, вам нечего бояться! [Л.А. Чарская. Записки институтки (1901)]; Неловким движеньем он повернул мольберт к свету. И, скажу вам, я отступил. Не произноси ни звука, поклонился, вышел в коридор, проследовал через заброшенный сад в город, на вокзал и был таков. **Тихо и скромно, как овечка.** Проще простого было дождаться, когда Ван-Гог выйдет за чем-нибудь из комнаты, зайти туда на одну минуту и взять, что надо. Ни кто не стал бы меня останавливать. Но я не мог. [Север Гансовский. Винсент Ван Гог

ставлением об овце как тихом, кротком животном; этот образ, вероятно, восходит к библейскому). Диалектоноситель, используя сравнение, опирается на собственный жизненный опыт, основанием для сравнения служит наличие у животного копыт, благодаря чему его шаги громче человеческих.

Свообразно значение глаголов *щелкну'ть*, *подица'лкивать*, толкуемое следующим образом: ‘произвести короткий глухой звук, ударив пальцами по кадыку (жест, употребляемый как просьба о выпивке)’: *Просить надо выписать ли [доски]. А всё скажут: «Есь выпить?», подиша'лкивают все. Шшелкну't...* [15. Т. 4. С. 343]. В данном случае глаголы звука описывают сопровождаемый звуком специфический жест, значение которого ясно из условий коммуникации.

Подобным же образом используется звукоподражательная единица *тьфу*, имитирующая плевок. Данное действие и, соответственно, звукоподражание являются многозначными. Чаще всего (10 раз) оно употребляется для обозначения символической защиты от сглаза и отражает суеверные представления носителя традиционной культуры: ...мыши-то, кысато. От я не видала, чтоб она хватала их ли чё ли. [И не скребутся?] Нет. [сплёвывает:] Тьфу-тьфу-тьфу; Не пьёт, гыт [муж]. Приходила ко мне, дак: *тп-тп-тп!* [«сплёвывает» и стучит костяшками пальцев по дереву] – всё. А он дня три не попил, и опе'ть стал; [Племянник: Прошлогодний [телёнок] чё-то это, такой какой-то ма'ленький был... А нынче и на ногах высокий, и так плотненький...] В.П. [сплёвывает] Тьфу-тьфу-тьфу. [Неодобрительно:] Край надо говорить чё попало! Как ясно из примеров, использование звукоподражания сопровождается специальными жестами. Упоминается этот жест и в ритуале избавления от сглаза: Мы пришли – а мама у нас регио'зна была! Она её взяла, это... водичкой пошептала чё-то: *тьфу-тьфу-тьфу-тьфу* – пола'dila ['избавила от сглаза']. Подобные контексты свидетельствуют о сохранении в сознании диалектоносителя реликтов архаической картины мира.

Использование этого звукоподражания для выражения уничижения, презрения отмечается реже, как правило – в чужой речи (7 примеров): Я говорю: «Да нету у меня, Лексей, нету». Он: «Тьфу! Что это за деньги? <...> «Тьфу эти деньги, кого, две тысячи-то?» В двух случаях междометие указывает на ошибку, ошибочное мнение: Ей-богу, он сидел – Поля пошла, он: «пойдём-пойдём по Полью», ушёл, я думаю: как его зовут-то? Владимир? нет. Николай? нет. Думаю: тьфу! Василием зовут!

Используется также звукоподражание, имитирующее сдувание чего-либо: *A станет со стола убирать* <...> *A Миша, царьство небе'sно, да и говорит:* «Катя как всё равно это – фу! дунула со стола». При этом звукоподражательное междометие, как и глагол *дунуть*, используется в соста-

ве сравнения для описания быстрой уборки, т.е. получает дополнительную смысловую нагрузку.

Звукообозначения *свистеть, насвистывать*, связанные в литературном языке с выражением положительных эмоций, зафиксированы в единичном контексте и имеют коннотацию неодобрения: *Испова'дили его. В автобусе ехали – он свистит во всю силу, насви'стыват.* Неодобрительная оценка вызвана тем, что слишком громкие звуки нарушают нормы поведения в общественном месте.

Относительно **музыкальных звуков** можно отметить следующий факт: хотя в речи диалектоносителя упоминаются некоторые музыкальные инструменты (*балалайка, баян, гармонь*), номинации их звучания в текстах отсутствуют, что объясняется вспомогательной ролью музыки в народной культуре.

Номинации физиологических звуков

В микрополе входит 50 единиц. Проанализировано 157 употреблений данных номинаций в текстах диалектоносителя. Чаще всего используется глагол *кашлять* (30 употреблений), отмечены и однокоренные ему лексемы (*закашлять, закашляться, закашливаться, кашель, ка'шлянуть, по-кашивать, прика'шивать, ска'шлянуть*), синонимы (*закатиться, ка-хы'кать*), звукоподражания для передачи данного процесса (*кахы', кх, кха, кхе, кrho*). Реже используются обозначения других неголосовых звуков (*чихать, сопеть, похрапывать, хрип* и т.п.).

Это микрополе часто пересекается с полем «болезнь», так как наличие физиологических звуков обычно связано с изменением состояния организма человека: *Я говорю: «Саша! Ты ночуй у меня! Таблетки у меня, кислота' [аспирин]» есть – чиха't, да ка'шлят, да всё; Пока'шилият. Горло болело, гыт, шибко, счас, гыт, получше, гыт, горло; Картошки подбивали, пошла там, искупалась – у ей бронхит признали. Ну лу'чче стало счас. Ну есть, ешо маленько хрыпи't так вроде.* Для обозначения подобных звуков носитель народно-речевой культуры активно использует звукоподражания: *С Еленой договорилась нашио't паласа. «Нам посо'бишь завтра, Катя? Почистить?» – «Пособлю', пособлю'». А сама: [изображает кашель] «Кха! кх!» – ка'шлят; А... спит, а так: «съ-съ-съ-ы... съ-съ-съ-сь!» – свистит вроде. Я говорю: однако, у ей чё-то тоже неладно. «У тебя чё-то, – говорю, – свист какой-то».* Зафиксирована также образная номинация: *Прям ты разгова'риваешь, а у тебя там как гармонь [хрипит в груди].*

Звукоподражания могут описывать внутренние ощущения человека, в частности сердцебиение: *Вот итойдёт [сердечный приступ], как это так: «тук!» – сердце как... прямо даже почувствую я. И сразу легче станет.* Многочисленны образные описания болезненного ощущения шума в ушах: *Голова шуми-ит-шумит, болит. [Полежите]. Я это... ну а чё, хоть лежи, хоть ходи.* В данном случае звук является ирреальным (речь идёт о болезненном ощущении, которое субъективно воспринимается как звук).

Попытка передать внутренние ощущения реализуется через использование разнообразных средств – звукоподражаний, сравнений, развёрнутой метафоры: *Всё шумит голова моя. Ой, шумит! Так «у-у-у, у-у-у, у-у-у, у-у-у!»; Звенит в уша'в – у-у! Гудок гудит; Шум прям, как ветер в голове какой-то это, бушует. И такой шум в голове, как бочка кака'-то; Шум! Как всё равно... не знаю, ветер, лес лома't, наверно, в голове. Кипит, шумит; Шумит прямо в голове! Как кто... ветер рвёт. Тридцать метров в секунду, наверно.* В сравнениях ощущение человека уподобляется сигналу (гудок) и природному состоянию (ветру, порождающему шум, свист и другие звуки).

В нескольких высказываниях обозначены звуки, издаваемые частями тела человека (как правило, при их повреждении): *Ну у него была, как её называют-то? Саркома, кости'. Нога отпала. Угу, угу. Даже кода' по'мер, прямо гыт слыхать было, как треснула.*

Достаточно редко обозначаются звуки дыхания и других физиологических процессов, не связанных с болезнью. При этом действуются разнообразные звукоподражательные единицы, отсутствующие в литературном языке: *Ми'трий Миха'лыч-то, гыт, пошёл плясать, плясал-плясал, да «Ух, ух, ух! [изображает глубокие выдохи] – на диван упал! Лежу но'ччу: «А! А! А! [изображает тяжёлое дыхание больного] Ох! Ой! Пришла бы смерть, и умер бы». А отпустит – опе'ть... [смеётся] неохота; А он по-перёк кровати лёг. Володя-то. На стул ноги склал. Гляжу – похра'пыват; «Ы-э! Ы-э!» – икать [начал]. Она: «Хватит тебе рыгать-то... икать-то!» – она на него.*

Номинации звуков человека в переносном значении

Зафиксировано 8 случаев использования исследуемых звуковых номинаций в метафорических контекстах. Перенос осуществляется обычно на основе характера звука. Так, глагол *свистеть* употребляется для обозначения быстрого действия: *Свистнули, уташили у неё [деньги], с гаманко'm [кошельком]; Только бутылки свистят, а так-то не иши'бко [помогают] кому надо.* В обоих примерах результирующей сферой является сфера не-нормативного поведения, глаголы имеют отрицательную коннотацию.

Метафорическое значение получают глаголы *икать, заикать: а радио заикало, заикало, заикало, да так и... не послушала; Радио всё ика't, ли чё ли?* Трансформация значения основана на сходстве речи, транслируемой с помехами, с речью заикающегося человека. Происходит перенос из сферы «человек» в сферу «артефакты». С помощью глагола *заикаться* обозначается также особое речевое поведение – ‘намекать, делать попытку заговорить о чём-либо’: *Раз как-то заикалась: «Баба, возьми» [серёжки назад]. А я: «Ладно, носи», – говорю* [15. Т. 1. С. 308].

В пословице краткость звука соотносится с коротким сроком, т.е. осуществляется перенос из сферы «звук» в сферу «временные параметры». При этом столкновение высокой и низкой сфер жизни, а также использование рифмовки создаёт комический эффект: *До смерти'нки две перди'нки.*

Ну, как мне, вот такой... Ми'трию Иванычу, да Моте. Стакаренки мы, всё равно.

Звук колокола при использовании фразеологизма становится знаком тревоги, средством привлечь внимание: *А ей не дали отпуск. <...> Ну, они тут были в колокол везде... Дали отпуск.* При этом основой для трансформации значения служит не только характер звука (громкость), но и его особая функция (звук колокола традиционно служит знаком важных событий, например церковной службы или пожара).

При метафоризации звуковой компонент значения может утрачиваться. Так, глагол *досту'каться* имеет значение ‘предосудительным поведением навлечь на себя беду, неприятности’: *Рая гыт, её там выгнали. А потом... А Гутя сама говорила. Это Елена говорит, сноха-то: «Баба Гутя! Вы, пожалуйста, не ходите к нам». Надо же! Достукалась до чё* [15. Т. 1. С. 258]. В данном случае важной является словообразовательная структура глагола (наличие приставки *до-*, выражающей результативность). Метафорическое переосмысление происходит через смещение акцента в сторону негативного полюса оценки (нежелательный результат действия).

Выводы

Специфика исследуемого семантического поля в идиолекте проявляется в средствах номинации звука, их сочетаемости и функционировании в речи. К особенностям номинации можно отнести, во-первых, широкое использование звукоизобразительных средств. С их помощью обозначаются разнообразные действия человека (стук, хруст, топот, плевок и др.), звуки физиологической сферы (кашель, дыхание и др.). Среди звукоподражаний есть отсутствующие в литературном языке – эти единицы относятся к диалектным или, предположительно, к индивидуальным (имитация процесса поглощения жидкости, икоты, дыхания человека). Во-вторых, для обозначения звука задействуются невербальные средства. В-третьих, при использовании образных номинаций звуковой сферы наиболее продуктивной является модель переноса «звуки природы» – «болезненные ощущения человека», актуализируется также взаимосвязь сфер «животные», «артефакты» и сферы «человек» (сравнения *как овечка, как гармонь*). Многие используемые диалектоносителем образные единицы в литературном языке не зафиксированы или имеют семантические отличия.

Диалектная специфика проявляется не только в своеобразных средствах номинации, но и в ряде других аспектов. Звук в картине мира информанта выступает чаще всего как **знак**, сообщающий о событиях и состояниях: стук в дверь как просьба впустить в дом; кашель, хрюк как признаки простуды и др. Звук включён в систему суеверных представлений личности и обрядовую деятельность (частое использование звукоподражания, имитирующего «сплёвывание» от сглаза). В то же время обрядовая и «охранительная» функции звука менее важны по сравнению с сигнальной, что свидетельствует о трансформации культурных традиций, а также (косвенно)

указывает на рационально-прагматическую ориентированность мышления информанта.

Анализ использования номинаций семантического поля «Звуки человека» выявляет такие ценностно окрашенные зоны диалектной картины мира, как «Еда», «Работа», «Болезнь». Обнаруживается и этическая доминанта в мировоззрении личности (звуковое поведение, например стук в дверь, свист, оценивается с этических позиций; эта оценка, как правило, негативная). В диалектной звуковой картине мира выявляются лакуны: так, для информанта неактуальна сфера музыки, которой в художественном тексте принадлежит заметное место ([9, 10] и др.). Наконец, можно отметить, что собственно звуковое значение исследуемых номинаций актуализируется намного чаще по сравнению с незвуковым, что также отличает диалектную языковую личность от элитарной.

Литература

1. Пархоменко И.В. Лексико-семантическое поле «Звук» и его функционирование в художественном тексте: на материале лирики С.А. Есенина и В.В. Маяковского : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000. 249 с.
2. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
3. Казарина В.И., Аль-Хаснави А.Р. Специфическая лексико-грамматическая группа глаголов с семой «звук» // Филологос. 2013. № 16 (1). С. 25–31.
4. Курашкина Н.А. Семантическое поле «звук» как репрезентация звукосферы в языке (на материале английского, французского и русского языков) // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12, № 3. С. 78–80.
5. Мишанкина Н.А. Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 23 с.
6. Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Основные противопоставления на множестве телесных звуков // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 11 (73). С. 80–101.
7. Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С.М. Толстая. М. : Индрик, 1999. 336 с.
8. Соловьев С.М. Изобразительные средства в творчестве Ф.М. Достоевского. М., 1979. С. 259–347.
9. Атаманова Н.В. Семантика звукообозначений в поэзии Ф.И. Тютчева : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2006. 22 с.
10. Хизниченко А.В. Образы звучания и их роль в поэтическом творчестве Б. Пастернака // Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности / С. Корычанкова, Л. Крюкова, А. Хизниченко. Втпю, 2016. С. 131–175.
11. Лещинская О.Г. Ситуация слухового восприятия и лексика, её обслуживающая, в языке города // Филология и человек. 2008. № 3. С. 124–132.
12. Ильина Е.Н., Ганичева С.А. Проблемы картографирования глаголов звучания в «Лексическом атласе русских народных говоров» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 2, т. 2. С. 85–87.
13. Вершинина М.Г. Экспликация фоносферы в русской фоносемантической звуковой картине мира (на материале пермских говоров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013. 20 с.
14. Савельева М.К. Сравнительно-сопоставительный анализ семантической структуры глаголов звучания в литературном русском языке и севернорусских говорах (ар-

хангельских и камчатских) // Вестник Камчатской региональной ассоциации «Учебно-научный центр». Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 1 (17). С. 152–157.

15. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. Т. 1–4.

16. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 29.05.2017).

NOMINATIONS OF NON-VOICE SOUNDS OF A PERSON AND THEIR FUNCTIONING IN THE TEXTS OF A FOLK SPEECH CULTURE REPRESENTATIVE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 52. 71–82. DOI: DOI: 10.17223/19986645/52/4

Svetlana S. Zemicheva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: opty-smith@gmail.com

Keywords: dialect language personality, Siberian dialects of Russian, sound nominations, dialect sound worldview, folk speech culture.

The article deals with the analysis of the nominations of non-voice sounds of a person. The study is done on the material of individual speech of a Siberian old-timer. 99 units (a lexical-semantic variant was taken as a unit of calculation) in more than 500 usages were analyzed. For the nomination of a sound, the dialect speaker most often uses verbs and onomatopoeia, and rarely nouns and adjectives. Several comparisons and metaphors were also fixed, as well as some non-verbal units (gestures).

The non-voiced sounds of a person were divided into three groups: signals; sounds accompanying various actions; physiological sounds.

The microfield “Signals” includes 22 units. Most of them are nominations of a knock at the door and their various derivatives. Nominations of this type of sound can be combined with nominations of thinking, emotion and evaluation, and such examples indicate their importance.

The second group of nominations (sounds accompanying various actions) totals to 27 units. Sounds produced when food and drink are consumed are mentioned fairly often, and this fact reflects the importance of the process of eating in the peasant worldview. Sounds accompanying physical work as well as sounds of strokes are also regularly verbalized. The functioning of the onomatopoeic unit imitating spittle is peculiar. This unit, along with the gesture, is polysemantic. Most often it is used to denote a symbolic defense against the evil eye, and such usage reflects the superstitious views of the traditional culture representative. The second meaning is the expression of contempt and the third meaning (or function) is using it as a reaction to one’s own mistake.

The last microfield “Physiological Sounds” includes 50 units. The dialect speaker actively uses onomatopoeia (some of which are not presented in the literary language) to name such sounds. Physiological sounds (coughing, sneezing, snoring, wheezing, etc.) are usually associated with illness. A special group of nominations is that of unreal sound (tinnitus). It is nominated by different ways, including detailed comparisons with a natural phenomenon (wind).

The final part of the article is devoted to the analysis of metaphorical meanings of sound nominations in the idiolect (eight cases).

As a result of the whole analysis, the following conclusions are drawn in the article:

1. The non-voice sound in the worldview of the informant appears most often as a sign informing about different events and states.
2. Sound is included in the system of superstitious representations of the person.
3. The sphere of music which takes an important place in literary texts is not relevant for the informant (it is a lacuna in the dialect sound worldview).

References

1. Parkhomenko, I.V. (2000) *Leksiko-semanticeskoe pole “Zvuk” i ego funktsionirovanie v khudozhestvennom tekste: na materiale liriki S.A. Esenina i V.V. Mayakovskogo* [The lexical-semantic field of the word “Sound” and its functioning in a literary text: on the example of S.A. Esenin and V.V. Mayakovsky].

cal-semantic field “Sound” and its functioning in the artistic text: on the material of the lyrics of S. Esenin and V. Mayakovskiy]. Philology Cand. Diss. Saratov.

2. Paducheva, E.V. (2004) *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

3. Kazarina, V.I. & Al'-Khasnavi, A.R. (2013) Spetsificheskaya leksiko-grammaticheskaya gruppa glagolov s semoy “zvuk” [Specific lexical-grammatical group of verbs with the “sound” seme]. *Filologos*. 16 (1). – pp. 25–31.

4. Kurashkina, N.A. (2007) Semanticeskoe pole “zvuk” kak reprezentatsiya zvukosfery v jazyke (na materiale angliyskogo, frantsuzskogo i russkogo jazykov) [Semantic field “sound” as a representation of the sound field in the language (on the material of English, French and Russian languages)]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bashkir University Bulletin*. 12:3. pp. 78–80.

5. Mishankina, N.A. (2002) *Fenomen zvuchaniya v interpretatsii russkoy yazykovoy metafory* [Phenomenon of sounding in the interpretation of the Russian language metaphor]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.

6. Kreydlin, G.E. & Pereverzeva, S.I. (2011) Corporeal sounds: basic oppositions. *Vestnik RGGU. Seriya: Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie – RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*. 11 (73). pp. 80–101.

7. Tolstaya, S.M. (ed.) (1999) *Mir zvuchashchiy i molchashchiy: semiotika zvuka i rechi v traditsionnoy kul'ture slavyan* [The sounding and silent world: semiotics of sound and speech in the traditional culture of the Slavs]. Moscow: Indrik.

8. Solov'ev, S.M. (1979) *Izobrazitel'nye sredstva v tvorchestve F.M. Dostoevskogo* [Pictorial means in the works by F.M. Dostoevsky]. Moscow: Sovetskij pisatel'. pp. 259–347.

9. Atamanova, N.V. (2006) *Semantika zvukooboznacheniya v poezii F. I. Tyutcheva* [The semantics of sound denotation in the poetry of F.I. Tyutchev]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kursk.

10. Khiznichenko, A.V. (2016) Obrazy zvuchaniya i ikh rol' v poeticheskem tvorchestve B. Pasternaka [Images of sound and their role in the poetic works of B. Pasternak]. In: Korychankova, S., Kryukova, L. & Khiznichenko, A. *Poeticheskaya kartina mira skvoz' prizmu kategorii perseptivnosti* [Poetic picture of the world through the prism of the category of perceptivity]. Brno: MUNI PRESS.

11. Leshchinskaya, O.G. (2008) Situatsiya sluhovogo vospriyatiya i leksika, ee obsluzhivayushchaya, v jazyke goroda [The situation of auditory perception and its vocabulary in the language of the city]. *Filologiya i chelovek*. 3. pp. 124–132.

12. Il'ina, E.N. & Ganicheva, S.A. (2012) Problemy kartografirovaniya glagolov zvuchaniya v “Leksicheskem atlase russkikh” [Problems of mapping verbs of sound in the “Lexical Atlas of Russian Folk Dialects”]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*. 2:2. pp. 85–87.

13. Vershinina, M.G. (2013) *Eksplikatsiya fonosfery v russkoy fonosemanticheskoy zvukovoy kartine mira (na materiale perm'skikh govorov)* [Explication of the phonosphere in the Russian phonosemantic sound picture of the world (on the basis of Perm dialects)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Perm.

14. Savel'eva, M.K. (2011) Comparative typological analysis of the verbs of sounding semantic structure in the standard Russian language and Northern Russian idioms (Archangelskiy and Kamchatskiy). *Vestnik Kamchatskoy regional'noy assotsiacii “Uchebno-nauchnyy tsentr”*. Seriya “gumanitarnye nauki” – Bulletin of KRAESC. Humanities. 1 (17). pp. 152–157. (In Russian).

15. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006–2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [A complete dictionary of the dialect language personality]. Vols 1–4. Tomsk: Tomsk State University.

16. Russian National Corpus. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru>. (Accessed: 29th May 2017).